

**Поэтика и политика в условиях советского проекта
(к политической позиции русских формалистов)**

Е. П. Бережная

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА СО РАН
НОВОСИБИРСК

Аннотация. Коллизия между художником и властью, ставшая в русской культурной традиции ориентирующим фактором в понимании того, что собою представляет искусство и каковы его истинные задачи, в годы формирования советской государственности приобретает значение «абсолютной силы», способной влиять как на смену риторических правил, так и на выбранные формы поведения в социопространстве. Именно в это время проблема «биографии» и принципы ее включения в тотально идеологический контекст эпохи становятся экспериментальным полем для теорий и практик формалистского происхождения. Виктор Шкловский и Борис Эйхенбаум, предпочтя науке «биографию», оказались вовлечены в исторический слом, когда выход «из своего сохраненного слова» требовал жертвы неизмеримо большего масштаба. Взгляд Ю. Тынянова на литературный процесс исключал переход на «чужие» территории: будь то политика, «биография» или какие-либо еще внеположные литературе яв-

Бережная Е. П. Поэтика и политика в условиях советского проекта (к политической позиции русских формалистов) // Критика и семиотика. 2016. № 1. С. 180–204.

ISSN 2307-1737. Критика и семиотика. 2016. № 1
© Е. П. Бережная, 2016

ления. Эти и другие категории могли существовать, будучи увиденными «сквозь литературу». Особое внимание уделено ленинскому номеру журнала «ЛЕФ», вышедшему сразу после смерти вождя революции, и в частности статье Тынянова «Словарь Ленина-полемиста». Тынянов писал о «революции» ленинских речевых конструкций, предполагая уже свершившийся слом языка, связанный с идеей упрощения формы как эстетической доминанты времени. Внеидеологичность Тынянова была откровенным средством эстетической манипуляции, позволявшим обходиться без наличествующего бытия как неперменного факта социального и идеологического противления.

Ключевые слова: В. Шкловский, Б. Эйхенбаум, Ю. Тынянов, политика, «биография», ленинский номер журнала «ЛЕФ», статья Тынянова «Словарь Ленина-полемиста».

УДК 82.0 + 882.08

Контактная информация: Бережная Екатерина Петровна, кандидат филологических наук, библиотекарь Государственной научно-технической библиотеки СО РАН (ул. Восход, 15, Новосибирск, 630200, Россия, bereg.63@mail.ru)

Драматическая коллизия между художником и властью, ставшая в русской культурной традиции ориентирующим фактором в понимании того, что собою представляет искусство и каковы его истинные задачи, в годы формирования советской государственности приобретает значение «абсолютной силы», способной влиять как на смену риторических правил, так и на выбранные формы поведения в социопространстве. Именно в это время проблема «биографии» и принципы ее включения в тотально идеологический контекст эпохи становятся экспериментальным полем для теорий и практик формалистского происхождения.

Отвечавший за формализм «перед литературной наукой» Б. Эйхенбаум писал в 1927 г.: «Внимание исследователей литературы и критиков было в последние годы направлено, главным образом, на вопросы литературной “технологии” и на уяснение специфических особенностей литературной эволюции – внутренней диалектики стилей и жанров. Это было естественным следствием пережитого нами литературного подъема, закончившегося литературной революцией (символизм и футуризм). Подъем этот и закреплен огромной теоретической литературой, появившейся в течение последних 15 лет. <...> Современное положение нашей литературы ставит новые вопросы и выдвигает новые факты. Литературная эволюция, еще недавно так резко выступавшая в динамике форм и стилей, как бы прервалась, остановилась. <...> Вместе с тем, вопросы технологии явно уступили место другим, в центре которых стоит проблема самой литера-

турной профессии, самого “дела литературы”. Вопрос о том, “как писать”, сменился или, по крайней мере, осложнился другим – “как быть писателем”. Иначе говоря, проблема литературы, как таковой, заслонила проблемой писателя» [Эйхенбаум, 1929а, с. 50–51]¹. Для восприимчивого к социальным и политическим изменениям Эйхенбаума «проблема писателя» должна была стать составной частью предполагаемой в напрочь изменившемся мире трансформации искусства. Эта установка на «социологизацию» литературного труда² явно противоречила имманентным поискам раннего формализма, «остраивающего» литературу от действительности. Мысль о несходности разных рядов культуры, ставшая декларируемым лозунгом опоязовцев, иллюстрирует письмо Эйхенбаума, трехчастная композиция которого с очевидной легкостью вдруг обнаруживает все разделяющие границы. 25 октября 1917 г., в день свершения Октябрьского переворота, Эйхенбаум написал Жирмунскому довольно пространное послание, свидетельствующее о том, что между искусством, жизнью и политикой очень важно сохранять их различительную функцию. Приведем письмо почти в полном объеме, редуцировав до известной степени лишь заключительные его строки:

«Милый Витя. Давно уже хочу писать тебе, но сначала мешал экзамен (я очень волновался, но сдал с честью – экзаменовали и Кадлубовский, и Шляпкин), а теперь – такие события идут у нас, что трудно сосредоточиться на письме. Уже больше недели печать трубила о готовящемся выступлении большевиков, но вместо выступления – новый переворот: большевики у власти, Керенский куда-то исчез (поговаривают, что уехал в Ставку), в городе – грозная тишина. На улицах пусто, всюду патрули, охрана. Занятий в школах сегодня не было. Говорят, что сейчас идет стрельба на Дворцовом мосту – будто бы женский батальон и “ударники” стоят за “прежнее” правительство. Но газеты уже не поспевают за событиями – и потому начинаются слухи. Во всяком случае – начинается что-то новое. Как говорят, большевики принимают все меры, чтобы не допустить беспорядков, погромов и грабежей. Ответственность на них – огромная,

¹ Здесь и далее все шрифтовые выделения принадлежат авторам цитируемых текстов.

² О принудительном характере внедрения социологического метода в Государственном институте истории искусств свидетельствует дневниковая запись К. Чуковского от 19 декабря 1924 г.: «Был вчера у Эйхенбаума. <...> Он рассказывает о том, что вчера было заседание в институте, где приезжий из Москвы ревизор Карпов принимал от сотрудников и профессоров присягу социальному методу. Была вынесена резолюция, что учащие и учащиеся рады заниматься именно социальными подходами к литературе (эта резолюция нужна для спасения института), и вот когда все единогласно эту резолюцию провели, один только Эйх. поднял руку – героически – против «социального метода». Теперь он беспокоится: не повредил ли институту» [Чуковский, 1991, с. 297]. По этой теме см.: [Кумпан, 2014; Шмидт, 2003]. См. также: [Материалы диспута, 2001].

и трудно себе представить, чтобы они с ней справились. Да и неизвестно, удастся ли им укрепиться – как будет вести себя Керенский и Ставка. Одним словом, “туман, безвестность впереди”...

От этих строк можно и к Белому перейти. Читал ты его статью в “Скифах”? Доклад в Пушкинском общ-ве был развитием и обоснованием того, что там сказано о ритме. Путь его от “Символизма” – правильный. Он отвергает понимание ритма как системы пэонических строк и ищет теперь способа графически запечатлеть весь “ритмический жест” *целого* стих-ия. Но способ его графики, по-моему, ошибочный. Он берет формулу $p-1$, где под p разумеется число строчек, т. е. величина определенная, арифметическая, а 1 есть совершенно условный значок, никакого реально-количественного значения не имеющий. Между тем Белый, подставляя под p число, производит вычитание и делит, хотя не имеет на это права. При помощи этой формулы и системы координат он наносит точки и, соединив их, получает чертеж “ритмического жеста”. При этом его увлечение и его *символизация* этих получающихся линий доходит до того, что он ставит в связь подъем линии кверху с подъемом настроения или возвышенностью темы в стих-ии. Интересно, что его сейчас больше всего увлекает именно эта параллельность, совпадение “смысла” с ритмом, но тут я тоже не могу согласиться. Если хочешь – я в следующем письме могу написать тебе подробнее (у меня даже есть некоторые чертежи стихий). Сейчас как-то трудно. Лучше всего было, когда он читал Тютчева и интерпретировал. Я был очень взволнован – он минутами кажется прямо гениальным. Но метод его кажется мне ложным. И его стремление найти определенную «знаменательность» в ритме и в звуках никуда не ведет. Посмотри его статью в сборнике клуба московских писателей “Ветвь” (новость) – о поэзии Блока. Как он там бьется и мечется между смыслом и осмыслением звуков! Или в “Скифах” эта страница о “шипенье”.

Наконец – повесть личного характера. Я, в конце концов, приглашен на Раевские курсы. В воскресенье, по совету Фед. Алекс., нанес визит Сиповскому и побеседовал с ним. Удивительно наивный человек – какой-то трогательный дилетантизм мысли. Он будет вести семинарий по “литературным направлениям”, а я решил устроить семинарий (который будет, по смыслу, просеминарием) по вопросам исследования литературы. Дам ряд тем из разных писателей – в порядке вопросов изучения. В первой группе будут темы, касающиеся изучения тематики, композиции, сюжета, идейных элементов, личных элементов и проч. Во второй – стилистика. Это будет мне нелегко, но зато интересно и полезно. В субботу (если не замрет жизнь) будет первая беседа с курсистками. Вчера я был на курсах для беседы с Фед. Алекс. – видел там Недзвецкую (кажется, так ее фамилия?). Слышал, что и Котя будет там читать. Психологию читает Сеземан. Работы ужасно много – еще ведь экзамен, и нелегкий, а тут – лекции в Лутугинском университете, лекции на Курсах выразительного чтения и т. д.

и т. д. И все это – на фоне “перманентной революции”» [Переписка, 1988, с. 292–294]³.

Письмо написано в пору увлечения Эйхенбаума ОПОЯЗом, теоретические принципы которого находили у адресанта глубокий эмоциональный отклик⁴. «Женственная пассивность натуры»⁵ Эйхенбаума была источником создания кумиротворческих проектов, нашедших воплощение как в сложном выборе научной ориентации⁶, так и в лично-дружеских взаимо-

³ См. дневниковую запись К. Чуковского от 19 июня 1917 г.: «Совсем не сплю. И вторую ночь читаю “Красное и Черное” Стендаля, толстый 2-томный роман, упоительный. Он украл у меня все утро. Я с досады, что он оторвал меня от занятий, швырнул его вон. Иначе нельзя оторваться – нужен героический жест; через пять минут жена сказала о демонстрации большевиков, произведенной в Петрограде вчера. Мне это показалось менее интересным, чем измышленные страдания Жюльена, бывшие в 1830 г.» [Чуковский, 1991, с. 79]. Чтение дневников Чуковского в одном ряду с формалистской темой может служить удобным иллюстративным поводом, поскольку для объяснения литературных дел Чуковскому вовсе не обязательно наличие исторического, общественного или какого-либо другого окружения.

⁴ Ср.: «О себе я говорю прямо: я понял, что значит формальный метод, только тогда, когда стал работать в Опоязе. <...> Моя статья о “Шинели” Гоголя – вот момент перелома. И только с этих пор я считаю начало работы по “формальному” методу» [Переписка, 1988, с. 313–314].

⁵ Из письма – «предсмертной исповеди» Жирмунского Виктору Шкловскому от 6.IX.70: «Я до сих пор ясно помню, как в конце лета 1918 г. Б. М. приехал ко мне в Саратов, совершенно взбудораженный и как бы взорванный изнутри обилием новых идей, исходящих от тебя, которые он в то время воспринял буквально как откровение. “Он был человеком вежливо-крайних убеждений” – это замечательно точно. Но то, о чем ты умалчиваешь, вероятно, сознательно, была особая женственная пассивность натуры Б. М., вследствие которой он становился фанатиком “крайних убеждений”, зароненных в его сознание воздействием умственной активности духовно близкого ему человека. Так было в “доисторический период” его литературной деятельности с моим влиянием (“немецкий романтизм” и “современная мистика”): маленький след этого этапа сохранился в его первой – замечательной статье о Державине, исключенной, к сожалению, из собрания его статей о поэзии вследствие содержащейся в ней и связанной с этим кругом мыслей ссылки на С. Л. Франка (совершенно излишней!). Так было потом при решающей для его идейного развития встрече с тобой, и еще раз: при встрече с Ю. Н. Тыняновым. Я всегда изумлялся тому, как сочеталась в творчестве Б. М. эта женская “пассивность” с чрезвычайной яркостью и содержательностью его собственных идей. Возможно, что его оригинальные замыслы были более обращены к конкретной “интерпретации” (как теперь принято говорить на Западе), а опору для этой интерпретации он брал из общих исходных положений, овладевавших его сознанием под влиянием его друзей, по складу ума “теоретиков”, идей и общих положений, в которые он веровал фанатически – как в свои» [Переписка, 1988, с. 319].

⁶ Ср. письма Эйхенбаума к родителям из Петербурга, когда по окончании 1-й воронежской гимназии он приезжает в Северную столицу, чтобы определиться

связях, имевших свою внутреннюю драматическую сторону⁷. Возможно, эта же «пассивность» обусловила в годы становления советской апологетики непродуманную позицию адаптируемого к внешним условиям ученого-гуманитария⁸.

в «правильности пути»: «...у нас открылась “Вольная Высшая школа” и я поступил в нее на биологическое отделение» (письмо от 14 февраля 1906 г.). Цит. по: [Кертис, 2004, с. 250]. Через два месяца: «Дорогие: Я только что кончил статью о Пушкине, от которой последние дни уже не мог оторваться и писал с страшным жаром. <...> Это все глубоко важно и интересно, ибо я *ищу* и все, что я нахожу в себе, должно выделиться наружу, стать ясным. <...> Нечего повторять, что Школа Лесгафта – именно то, чего я искал после гимназии. Быть, помимо всего остального, помимо призвания, будущего, *биологом*, – вот моя мечта, вот что может дать глубину жизни» (письмо от 21 апреля 1906 г.) [Кертис, 2004, с. 255–256]. Письмо от 22 сентября этого же года: «День у меня теперь распределен чуть не по минутам, мне необходимо естественно-историко-литературно-музыкальное образование. <...> Без искусства я жить, т. е. работать, творить, делать и т. д., не в состоянии. Моя душа требует не только разрешения проблем человеческой жизни, но и изображения их. Рождает вопросы, чувства, мысли и т. д. жизнь; изображает их с возможной яркостью и силой искусство, а решает, объясняет и т. д. наука» [Там же, с. 258]. Через год Эйхенбаум поступает в Музыкальную школу Е. П. Раппгофа и на историко-филологический факультет Петербургского университета. Письмо от 9 сентября 1907 г.: «В Унив-ете я буду заниматься на так наз. словесном или славяно-русском отделении. <...> Я колебался, не поступить ли на историческое отд., но мне кажется, что словесное больше отвечает моим склонностям» [Там же, с. 277]. Эйхенбаум остается на славяно-русском отделении и заканчивает его, но попытка определиться с выбором пути еще раз обнаружила себя в коротком переходе на романо-германское отделение университета в 1909 г. См.: [Эйхенбаум, 1929б]. См. также: [Чудакова, Тоддес, 1987, с. 4]. С многообразием избираемых в перспективе профессий корреспондируют и невнятные поиски «политической благонадежности» Эйхенбаума в период обучения его в университете. См.: [Сальман, 2014].

⁷ Ср. прочувствованную запись Эйхенбаума, относящуюся, вероятнее всего, к Виктору Жирмунскому: «Среди них был юноша, с первой встречи поразивший меня своим видом. Он был совсем мальчик – тонкий, очень смуглый, с глубокими семитическими глазами и по-детски чувственным, точно припухшим ртом. Я смотрел на него как влюбленный. Мы сдружились, и мое путешествие по Европе приобрело совсем романтический характер» [Эйхенбаум, 1929б, с. 37]. Об отношениях Эйхенбаума с Жирмунским см.: [Левченко, 2012а]. Ср.: «Искусство 20-х годов возникло из дружбы. Оно было неотъемлемо от дружбы. Что значило тогда появление нового собеседника. Искусство и среда искусства. (Так было и у Пушкина. Среда лица.) Киевский кружок. Ленинградский: Тынянов, Шкловский, Эйхенбаум. Кино: Эйзенштейн, Кулешов, Пудовкин, Довженко. Компании. Кружки. Объединения (ФЭКС, ЛЕФ). Потом Дома кино, потом худсовет. Большой худсовет. От дружбы к службе. От спора к инстанциям» [Козинцев, 1994, с. 43]. См. также: [Громова, 2006].

⁸ См.: [Тоддес, 2002; Зорин, 2010]. Ср. у Л. Я. Гинзбург: «Где была неправда? У какой границы искать ее начало? Она была не в методологическом принципе,

За невятностью эйхенбаумовских исканий аритмично следует наиболее цельный и последовательный среди формалистов Тынянов. Его статья «О литературной эволюции» (1927) с опережающим взглядом на теорию и практику литературного исследования соотносима с «Литературным бытом» Эйхенбаума⁹ по принципу перекрестной рифмы. Предлагаемая Эйхенбаумом трактовка «быта», кроме интереса к лежащим вне литературы факторам и необходимости выйти к социальному контексту, имела ту высокую степень заряженности постулатами официальной идеологии, присутствие которой могло быть спровоцировано «внутренней формой» данного понятия¹⁰. Принадлежности эпохе соответствовало здесь предпочтительное и бесспорное внимание к *подлинной жизни* в противоположность логократическим установкам раннего ОПОЯЗа.

Тыняновский взгляд на литературный процесс целиком исключал выход на «чужие» территории: будь то политика, «биография» или какие-либо еще внеположные литературе явления. Эти и другие категории могли существовать, будучи увиденными «сквозь литературу»¹¹. Литературная эволюция (подобно исторической революции) возможна при условии взаимозамены между «центром» и «периферией», осуществленной в неидеологическом поле искусства. При этом «главным понятием литературной эволюции оказывается *смена систем*», т. е. «изменение функций и формальных элементов», находящихся в системе литературы членов [Тынянов, 1977а, с. 278, 281]. Обращенная на себя тыняновская теория литературного развития позволяла такую маловразумительную категорию, как «быт», внести в число ее опосредующих звеньев¹².

не в общем понимании вещей, но в какой-то прорвавшейся интонации, в торопливом показе тождества, в том, как пользовались поводом, случаем заявить “и я так считаю”. Именно так» [Гинзбург, 1988, с. 228].

⁹ См. дневниковую запись Эйхенбаума по случаю 15-летия ГИИИ: «29-го марта – юбилейное заседание нашего отдела в Институте истории искусств; поручено говорить мне (о литературном быте) и Тынянову (о литературной эволюции)» (цит. по: [Чудаков и др., 1977, с. 518]). Статья впервые опубликована в журнале «На литературном посту» (1927, № 10) под заглавием «Вопрос о литературной эволюции». Вошла в сборник «Архаисты и новаторы» (1929) с посвящением Борису Эйхенбауму. В предыдущем номере журнала была опубликована статья Эйхенбаума «Литература и литературный быт».

¹⁰ См.: [Зенкин, 2012].

¹¹ Ср. из письма Тынянова Шкловскому (1929): «Когда я сидел с Эренбургом, я ясно видел: человек второго сорта, и все делает второсортным. Когда говоришь с тобой, *все* первого сорта. Это вовсе не любовь к тебе, а только литературный факт» (цит. по: [Тоддес, 1995–1996, с. 354]).

¹² Ср.: «*Быт соотнесен с литературой прежде всего своей речевой стороной*. Такова же соотнесенность литературных рядов с бытом. Эта соотнесенность литературного ряда с бытовым совершается по *речевой* линии, у литературы по отношению к быту есть *речевая* функция» [Тынянов, 1977а, с. 278]).

В то время как для Эйхенбаума литература несамодостаточна и способна выполнять лишь «надстроечную» функцию¹³, «идеальное государство» Тынянова, которое он создавал, опираясь на искусство Слова, не нуждалось в привлечении рекрутов извне¹⁴. Внеидеологичность Тынянова (ср. из письма Р. А. Ковнатор В. Каверину: «Однажды Горбачев грубо сказал, что его “уход” в исторические романы – “бегство от действительности”. Когда он ушел, Юрий Николаевич был бледен и взволнован (я до этого его

---

¹³ Ср.: «Культурные устои XIX века рушились под натиском новых нужд, стремлений и идеалов. Умозрительная философия отцов, метавшихся от скепсиса к религии и падавших “под бременем познания и сомнения”, потерпела крах. То же случилось и с традиционной “университетской наукой”, которая жила эмпирикой и избегала всяких “теорий”. Что касается поэзии, то источником ее вдохновения сделался пафос трагической обреченности; она умирала не столько от бессилия, сколько от ужаса перед новым бытием, определявшим новое сознание. Гносеологический туман, насыщенный множеством всяческих микробов, рассеялся. Глазам молодого поколения предстала сама действительность, сама история. Противоречия опыта и умозрения были сняты, все субъективное потеряло свою цену и свое влияние. Источником познания и творчества стало само бытие. Новая поэзия демонстративно вышла на улицу (в буквальном смысле слова) и заговорила языком ораторов о жизни, об истории, о народе. Явились новые темы, новые слова, новые жанры, новый ритм. Дело было за теорией, которая не замедлила явиться» [Эйхенбаум, 1983, с. 210–211].

¹⁴ Ср. из воспоминаний Г. Винокура: «Мне тогда же, между прочим, впервые пришла мысль, позднее перешедшая в убеждение, что для Тынянова литература – это не просто предмет исследования и изучения, а нечто гораздо большее, как бы вторая действительность, вне которой, собственно, нет подлинной жизни и которая связана с реальной, исторической действительностью очень сложными и запутанными, во всяком случае – не «прямыми» отношениями. В своей деятельности Тынянов эти отношения не только пытался разгадать и распутать, но также своеобразно *создавать* на свой собственный лад, как это очевидно для каждого читателя его биографических романов» [1983, с. 67]. Близкий к формалистам В. Я. Пропп записал в дневнике проникновенные слова: «Литература никогда не имеет ни малейшего влияния на жизнь, и те, кто думают, будто это влияние есть и возможно, жестоко ошибаются. “Ревизор” не действовал на взяточников, а статьи и воззвания Толстого о смертной казни не остановили ни одного убийства под видом казни, а у нас казнены уже миллионы, а палачи возведены в газетах в герои. Юбилей ГПУ с музыкой и спектаклями, а те, кто видел наши застенки (я видел и кое-что знаю), только и могут, что сидеть по углам и быть незаметными. Литература сильна тем, что вызывает острое чувство счастья. И Гоголь велик не тем, что осмеивал Хлестакова и Чичикова, а тем, *как* он это делал, так, что мы до сих пор дышим счастьем, читая его. В этом все дело, не в том, *что*, а в том, *как*. А счастье облагораживает, и в этом значение литературы, которая делает нас счастливыми и тем подымает нас. Чем сильнее поучительность, тем слабее влияние литературы. Самые великие никогда не поучали (даже не хотели этого), они были» [Неизвестный В. Я. Пропп..., 2002, с. 316–317].

никогда таким не видела)», цит по: [Тоддес, 1995–1996, с. 356])¹⁵ была откровенным средством эстетической манипуляции, позволявшим обходиться без наличествующего бытия как неперемного факта социального и идеологического противления. (Ср. из письма Эйхенбаума к Шкловскому от 7 мая 1929 г.: «...положение его, и личное и историческое, очень серьезное. Но ведь он гениальный дипломат, и позиция его сейчас остроумная. Он окружен уважением и даже страхом, как таинственная неожиданность (не говорю о зависти). О нем скоро будут ходить рассказы и легенды, а он сидит себе дома, в мешанской обстановке, с “пурпурными” картинками на стене, и плюет на современность. У него есть сила большого и гордого человека – сила Гейне, что ли. И он и ты – “литературные личности”, но противоположно. А я стану литературной личностью на одре смерти – не раньше», цит. по: [Чудакова, 1986, с. 128–129]). Складывающийся на протяжении нескольких лет интерес Тынянова к Гейне менее всего связан с «политической актуальностью» поэта в двадцатые годы¹⁶. Кроме очевидных биографических аллюзий, побуждающих к глубоко интимному знанию биографии немецкого поэта (ср. у В. Каверина: «Жизнь Гейне он знал так хорошо, как будто сам ее прожил. Гейневские шутки, оптимизм, его вещественность, никогда не оставлявшая его, беспощад-

¹⁵ В воспоминаниях Льва Зильбера описана общестуденческая сходка, в которой принимал участие и Тынянов. За участие в сходке Тынянов вместе с другими студентами был исключен из университета. «Дело о восстановлении исключенных студентов затянулось, их восстановили через месяц-полтора. Тынянов к своему исключению отнесся равнодушно. Он работал в библиотеках и спокойно ждал, чем все кончится» [Зильбер, 1984, с. 84, 86]. В тщательно документированных работах М. Г. Сальман и И. Н. Сухих, посвященных Тынянову студенческой поры, нет места для политики (см.: [Сухих, Шубин, 1989; Сальман, 2014]).

¹⁶ Ср.: «Важнейший аспект темы “Тынянов – Гейне” – политическая актуальность Гейне в двадцатые годы, когда Тынянов начал его переводить. Порой кажется, будто Гейне писал свои сатиры специально для того, чтобы Тынянов мог, ничем не рискуя, позволить себе дерзкие политические выпады» [Эткинд, 1983, с. 474]. О «политическом индифферентизме» Гейне Тынянов пишет в незаконченной монографии «Тютчев и Гейне» (1917–1920). Ср.: «С глубочайшим презрением Гейне относится не только к политическим приличиям, но и к самой политике; в краткой заметке о Витте фон Дёрринге он заявляет, что на великие явления политической жизни следует смотреть с высоким поэтическим равнодушием, судить не как моралист и не как политик, а как разумный зритель в большом театре, где комедиантов хвалят и порицают не за их роль, а за их игру. И быть может, роль Витта не принадлежит к числу так называемых хороших ролей, она, быть может, даже не совсем благородна, и честные немецкие рецензенты имеют право сердиться на него. Но он настроен тоньше, он критикует не роль, а игру, и с этой точки зрения Иоганн Витт фон Дёрринг редкий мастер, и его ловкость, удивительное господство над языком, талант обходительности и остроумного лукавства в отношениях заслуживают величайшей похвалы. Здесь обнаружены главные предпосылки гейневской морали – эстетические» [Тынянов, 1977б, с. 359].

ность его полемики, душевная бодрость вопреки безнадежной болезни – все это характерно для Тынянова не меньше, чем для Гейне» [Каверин, 1985, с. 72]), Гейне для Тынянова – пример *самодовлеющего словесного искусства*¹⁷, применительно к которому допустим лишь поэтический угол зрения. (Ср.: «Тынянов высоко ценил немецкую культуру, науку, хорошо знал немецкий язык. Он любил Шиллера, Гёте, но в особенности Гейне, стихи которого переводил, в сущности, всю жизнь. <...> Над “Германией” он работал особенно долго, без конца шлифуя и улучшая каждую строчку перевода. Это был его отклик на развертывающуюся борьбу против фашизма» [Степанов, 1983, с. 236]). *Политическое* Тынянова имело формы эстетического сопротивления, оставаясь вовлеченным в те или иные механизмы сформированной в данной исторической реальности территории искусства¹⁸.

Чуткий к эпохальным веяниям Шкловский доказывал преимущества компромиссного стиля в том, что касалось самых разных сфер общественной жизни: от политических реалий до научных и художественных практик. (Ср. из дневника Эйхенбаума от 1 февраля 1924 г.: «Витя обедал у нас с Вас[илисой] Георг[иевной]. Уговаривал меня написать статью о стиле Ленина – надо, говорит, принимать заказ, но сделать так, чтобы это входило в свою работу. Так горячо говорил, что я, кажется, попробую» [Эйхенбаум, 1998, с. 210].) Компромисс как норма жизнеповедения позволял Шкловскому быть свободным в несвободной стране (ср.: «“Памятник научной ошибке” – расквитался с формализмом, а сам остался формалистом (В. Ш. о себе)» [Галушкин, 2015])¹⁹, и в особенности там и тогда, когда вследствие политики в литературе приводились к коллапсу самые смелые научные идеи. Примечательной рифмой к «Памятнику научной ошибке» (1930) может служить письмо Шкловского к заведующему отделом агитации и пропаганды А. И. Стецкому от 3 июля 1932 г.: «<...> Была группа формалистов, группа с очень большими ошибками и, как мне кажется, с достижениями технологического характера. Работы наши имели свою историю. Мы двигались. Путь от “Поэтики” к работе Юрия Тынянова

¹⁷ См. статью Тынянова «Блок и Гейне» в сборнике «Об Александре Блоке» [1921].

¹⁸ Ср., например, предисловие Тынянова к книге «Фельетон. Сборник статей»: «...понятно, что интересно в проблеме фельетона для современной литературы и литературоведения: как реальная тенденция – общественно-политическая, моральная, бытовая, – опирает литературное построение, как это построение рассчитывается на немедленного и массового читателя» [Тынянов, 1927, с. 6–7].

¹⁹ В воспоминаниях Лидии Гинзбург есть запись: «В 1920-х годах на одном из диспутов Шкловский сказал своим оппонентам: “У вас армия и флот, а нас четьре человека. Так что же вы беспокоитесь?” В самом деле, беспокоились. Беспокоились хотевшие подчинить все области жизни – науку, искусство, нравственность – единой политической догме» [Гинзбург, 2003, с. 55].

“Архаисты и новаторы”, моей книге “Матерьял и стиль «Войны и мира»” показывает, что мы не схоласты и не приспособленцы. Приблизительно в 27–28 году работы наши, которые хорошо известны на Западе, прекратились. Сейчас по теории < и > истории литературы работаю я, но принужден работать главным образом в кино, а не по своей специальности. <...> И вот существует новая русская литература. Кто о ней напишет. Где методы анализировать новое. Кадры людей разогнаны. <...> Люди лишены возможности расти, люди лишены времени думать. <...> Качество появляющихся работ по языкознанию, качество историко-литературных работ, количество знаний, которые в них вложены, чрезвычайно низко. <...> Я не утверждаю, что мои прежние работы правильны, более того, я знаю, что мы в них органически дошли до той линии, за которой мы должны были бы < пере > смотреть все свои утверждения. Но я утверждаю, что этот пересмотр мы должны были сделать с новыми товарищами и сделать сами. Мне очень хотелось бы увидеть Вас, чтобы поговорить о теории литературы, показать Вам книги, если они Вам неизвестны, рассказать о судьбе моих товарищей, рассказать, что их как научных работников уже скоро не будет. Вы не знаете Виктора Максимовича Жирмунского. Это был крепкий человек, а сейчас этот человек пьет. Потому что просто жить не стоит» (цит. по: [Галушкин, 1992, с. 212–214]). Рассказывая о незавидной судьбе своих товарищей («Борис Томашевский, один из лучших русских текстологов, автор целого ряда теоретических книг, исследователь русского стиха, преподает сейчас высшую математику в одном из ВУЗ’ов. Борис Казанский, знаток античной литературы <...> сейчас научный секретарь Оптического Института. <...> Евгений Поливанов, человек с большими ошибками, но в то же время один из образованнейших людей мира, знающий 36 языков, <...> он, после неудачной полемики с Марром, живет где-то в Самарканде, ведет полезное дело создания грамматики узбекского языка, это тоже не дело его масштаба» [Там же, с. 213]), Шкловский вспоминает Якобсона в положительно-противоположном контексте по отношению к советскому режиму: «Роман Якобсон живет за границей с советским паспортом, знаменит, выступает на конгрессах в Женеве, сейчас поехал в Голландию, занимается он социологией языка, у нас не печатается» [Там же, с. 213]. Проблема свободы и реализации художника оказывается здесь в тесной взаимосвязи с существующей политической доктриной. Эта связь породила особый, «переписывающий» сам себя курс²⁰, находя в стагнирующей идеологии надежное средство для оправдания²¹.

²⁰ Ср.: «Советская цивилизация переосмыслила практику переписывания. Новая власть, охваченная зудом творчества с чистого листа, принялась переписывать российскую и мировую историю, события, сюжеты, биографии. <...> Выращенный в инкубаторе соцреализма большой советский писатель – это маленький переписчик в тени усвоенного и переработанного чужого слова. Но и своего тоже. <...>

Совсем иные формы взаимодействия «творческой свободы» и «необходимости» предлагал Тынянов в 15-й, заключительной, главке своей статьи о Хлебникове: «Ни в какие школы, ни в какие течения не нужно зачислять этого человека. Поэзия его так же неповторима, как поэзия любого поэта. И учиться на нем можно, только проследив пути его развития, его отправные точки, изучив его методы. Потому что в этих методах – мораль нового поэта. Это мораль внимания и небоязни, внимания к “случайному” (а на деле – характерному и настоящему), подавленному риторикой и слепой привычкой, небоязни поэтического честного слова, которое идет на бумагу без литературной “тары”, небоязни слова, необходимого и не заменимого другим, “не побирающегося у соседей”, как говорил Вяземский. А если слово это детское, если иногда самое банальное слово честнее всего? Но это и есть смелость Хлебникова – его свобода. Все без исключения литературные школы нашего времени живут запрещениями: этого нельзя, того нельзя, это банально, то смешно. Хлебников же существовал поэтической свободой, которая была в каждом данном случае необходимостью» [Тынянов, 1928, с. 30]. Статья хороша утверждением права на несходство и различие как нового методологического принципа, и неслучайно Шкловский выступил против с соответствующими тезисами-отповедями: «Отделение Хлебникова от футуризма – теоретически реакционная работа, она минус для Хлебникова, так как она работа типовая, именно так всегда делают классиков и именно так стремятся окончить литературную группировку. <...> Отрицание литературных коллективов, литературной групповой работы, выделение одного себя, под чьим бы протекторатом оно ни происходило, – это повторение старой песни о классике. Очень жалко, что вещи гениального писателя Хлебникова вышли под этим знаком выделения, и очень симптоматично, что превосходно мыслящий Тынянов в своей работе над современностью сделал обратное тому, что он делает в работе над историей» [Шкловский, 1928, с. 45, 46]. Подобная апологетирующая превосходство коллективного труда риторика характерна для нарождающейся советской литературы, и Шкловский в конце 1920-х гг. поспешно (как он это делал не раз) стремится подтвер-

---

Чтобы не отстать от жизни или же попросту не лишиться ее, литераторы <...> принимают переписывать свои и чужие тексты. <...> Переписывание собственного текста (в том числе биографии) в свете очередных директив – типичная практика советской литературы» [Левченко, 2013, с. 177, 178].

²¹ Ср.: «<...> Якобсон будет до конца жизни презирать бывшего друга, руководствуясь принципами свободного мира и не делая скидок на обстоятельства места. Обстоятельства были таковы, что Шкловский с его готовностью переписать пострадавшую науку согласно конъюнктуре даже не догадывался о требуемом уровне лояльности – о том, что вообще нужно будет сделать писателю-попутчику, чтобы остаться в живых» [Левченко, 2013, с. 182].

дить верность декларируемым ею принципам²². Были разные («порожденные другими контактами с той же действительностью» [Гинзбург, 1988, с. 221]) способы подтвердить свою лояльность по отношению к новой власти. Мандельштам, хотя и рад был «приобщиться», в стихах «не допускал уступок, поэзия у него была крепко ограждена» [Там же, с. 222]. «Некоторые стремились сказать не максимум, а минимум того, что побуждало сказать тождество мнений» [Там же, с. 228]. В существующем раболепии мысль Тынянова о доминирующей роли искусства может считаться сдерживающим фактором надвигающейся катастрофы, связанной со сломом «слова сокровенного», приводящим к упрощению и снижению «культурного качества», в пользу насаждаемого как эталон «всеобщего языка» эпохи²³. И Шкловский, и Эйхенбаум, предпочтя науке «биографию» (см.: [Левченко, 2012б]), оказались вовлечены в исторический слом, когда выход «из своего сохраненного слова» (Л. Гинзбург) требовал жертвы неизмеримо большего масштаба. Ничто никому не прошло даром.

С ОПОЯЗом связаны два эпизода, когда в высказывании формалистов нуждались не абстрактные материи, а реальные исторические лица, бывшие к тому же их современниками. Речь идет о двух примечательных сборниках, один из которых посвящен Александру Блоку и стал откликом на его смерть (см.: [Об Александре Блоке, 1921]), а второй – «ленинский» номер журнала «ЛЕФ», вышедший сразу после смерти вождя революции. Выход ленинского тома был замечен в эмигрантской среде. Соотечественники и соратники по науке к предполагаемой публикации отнеслись с нескрываемым восторгом. (Ср., например, приветственный текст Осипа Брика ОПОЯЗу: «Товарищи опоязовцы! Эйхенбаум, Тынянов, Томашевский,

---

²² В воспоминаниях Лидии Гинзбург встречается запись: «Мне попался свод любопытного материала о работе Мандельштама в конце двадцатых годов в “Московском комсомольце” (внутренние рецензии, ответы авторам). Не знаю, пишет ли он по конкретным поводам то, что действительно думает, но он действительно радуется приобщению, “Труду со всеми сообща / И заодно с правопорядком”» [1988, с. 223].

²³ Ср. из дневника Гинзбург: «В разговоре с Чуковским для меня, кажется, впервые вполне уяснилось, что между самой верхней и самой нижней культурой установилось правильное обратно пропорциональное отношение. <...> Нельзя было бесследным для культуры образом подвергнуть первоначальной культурной обработке всю эту массу новых людей. Культура ослабела наверху, потому что массы оттянули к себе ее соки. Я вовсе не думаю, что нужно и социально полезно упрощаться; я думаю, что снижение культурного качества – не вина правительства и не ошибка интеллигенции, что снижение качества на данном отрезке времени – закономерность. В данный момент я и люди, которых я обучаю на рабфаке, любопытным образом уравновешены. То, что они учатся и вообще чувствуют себя полноценными людьми, соотносено с тем, что у меня отнята какая-то часть моей жизненной применимости; то, что они читают “Обломова” <...> соотносено с тем, что я не могу напечатать статью о Прусте» [2011, с. 87–88].

Якубинский! ЛЕФ потрясен известием, что Вы готовите 4 статьи о Ленине, и умоляет вас выслать их в к р а т ч а й ш и й срок для напечатанья в своем 5-ом номере», цит. по: [Лотман, 1970, с. 13]). Реакция ЛЕФа объяснима и понятна, так как «верить революции широко и безраздельно» для участников объединения было стойким жизненным убеждением. Благоприятным условием для сотрудничества стали личные связи формалистов с левовцами («прошлыми футуристами»). В редакции журнала «Леф» «постоянно бывали» Р. Якобсон и Г. Винокур, «реже» – Ю. Тынянов (см.: [Шкловский, 1966, с. 442]).

В выпусках сборников ОПОЯЗ осуществил «на деле подлинный тип коллективной работы» [Эйхенбаум, 1987а, с. 407]²⁴, и значение этого факта для построения научной истории литературы огромно. (Ср. у Шкловского: «Мне сейчас кажется, что многие статьи тогдашнего “Лефа” <...> интересно было бы переиздать, так как след в мировой лингвистике они оставили большой, колея пробита была по целине» [Шкловский, 1966, с. 445]).

Исследователь истории русского формализма А. Галушкин считает, что коллективное выступление формалистов со статьями о языке и стиле Ленина призвано было «разрядить ситуацию», создавшуюся после выхода в газете «Правда» (1923) статьи Л. Д. Троцкого «Формальная школа поэзии и марксизм» (см.: [Галушкин, 1992, с. 210]). Компромиссное решение Шкловского «принять заказ», но так, «чтобы это входило в свою работу», имело свой положительный результат. (Ср. из письма Шкловского Тынянову и Эйхенбауму от 22 октября 1924 г.: «Каменев говорил с Маяковским о наших ленинских статьях и выражал удивление, каким образом Эйхенбаум и Тынянов, не зная Ленина, так поняли его личность. Он говорил, что все написанное изумительно совпадает с живым Лениным. Это приятно вне всяких соображений», цит. по: [Галушкин, 1992, с. 211]). Было бы преувеличением говорить о статье Троцкого как о первой попытке объявить войну формализму со стороны официальной идеологии. Первый же тезис Троцкого о том, что единственной теорией, которая противопоставила себя марксизму, является формальная теория искусства, и что формализм «противопоставляет себя марксизму теоретически» (см.: [Троцкий, 1991, с. 130]), приглашал к дискуссионному общению на равных позициях²⁵, и не случайно в процитированном письме Шкловского появился следую-

²⁴ Ср. далее: «Это произошло, по-видимому, по той причине, что мы с самого начала поняли свое дело как *историческое*, а не как личное дело того или другого из нас» [Эйхенбаум, 1987а, с. 407].

²⁵ В дискуссию вступил Эйхенбаум. Ср. запись в его дневнике от 18 марта 1924 г.: «Статью о Ленине окончательно отделал – разбил на главки и т. д. Показывал ее Вите – он похвалил. <...> Очень интересно, как отнесется к главе о Троцком “Печать и революция”. Как-никак, эта статья должна быть некоторым событием» [Эйхенбаум, 1998, с. 216].

ший пассаж: «Бухарин имел на похоронах Брюсова разговор с Абр. Эфросом. Сей недостоверный жид передавал, что разговор шел о форм. методе. Бухарин говорил: мы (марк <систы>) или они (форм <алисты >) представляем сейчас Россию. Эфрос предложил тут же синтез» (цит. по: [Галушкин, 1992, с. 210–211]). Скандальный жест Шкловского: «Я поднимаю руку и сдаюсь», завершавший берлинскую книгу «ZOO, или Письма не о любви» (1923), капитуляции еще не означал, а был своеобразным ответом на появившуюся возможность вернуться в Россию.

Статьи, составившие ленинский номер журнала «ЛЕФ», как нельзя лучше выражают формалистскую любовь к *поэтике*, т. е. описанию «приемов» литературного письма без сопутствующих ему социальных и политических реалий: «Конструкция тезисов» Б. Томашевского, «Основные стилевые тенденции в речи Ленина» Б. Эйхенбаума, «Ленин как деканонизатор» В. Шкловского, «О снижении высокого стиля у Ленина» Л. Якубинского, «Речь Ленина. Опыт риторического анализа» Б. Казанского, «Словарь Ленина-полемиста» Ю. Тынянова. (Формальный взгляд на искусство, исключаящий внешне чуждые искусству явления, зафиксирован в дневнике Эйхенбаума во время подготовки «ленинской» статьи. Ср. запись от 15 марта 1924 г.: «Вчера вечером попал в симфонический концерт (Оскар Фрид) и с большим наслаждением прослушал 6-ю и 8-ю симфонии Бетховена и скрипичный концерт (Блиндер). Бегали по телу мурашки и мускулы помолодели. Пришел домой совсем бодрый, освеженный – и сегодня все напеваю мотивы 8-ой сим[фонии]. Под это пение сел писать статью о стиле Ленина – и пошло гораздо лучше. Надо чаще ходить в концерты» [Эйхенбаум, 1998, с. 215]; запись от 17 марта этого же года: «Кончил статью о стиле Ленина. Бетховен помог – хоть ставь эпиграфом VIII симфонию» [Там же, с. 215]). Дневники Эйхенбаума имеют, безусловно, и самостоятельную ценность. Они не только реставрируют предшествующие и описывают настоящие события. В творческом наследии ученого они стали необходимым промежуточным звеном, подготовившим переход от самостоятельных научных исследований в сторону «биографии».

В отличие от Эйхенбаума, Тынянов ни в каком посредничестве не нуждался. Его связь с миром проходила от постигнутого во множестве оттенков «слова» в сторону неявно выраженных эквивалентов. Это движение определяет главную теоретико-литературную книгу Тынянова «Проблема стихотворного языка» (1924), в которой понятие эквивалента текста получает легитимный статус: «Перед нами неизвестный текст (неизвестность которого, однако же, несколько ограничена, полуоткрыта), а роль неизвестного текста (*любого* в семантическом отношении), внедренного в непрерывную конструкцию стиха, неизмеримо сильнее роли определенного текста: момент такой частичной неизвестности заполняется как бы максимальным напряжением недостающих элементов – данных в потенции – и сильнее всего динамизирует развивающуюся форму. <...> Форма есть

непрерывная установка различных эквивалентов, повышающая динамизм. При этом *материал* может измениться до *минимума, нужного для знака конструктивного принципа* [Тынянов, 1965, с. 46–47; 50–51]. В эквивалентовку текста могут быть вовлечены как визуально дифференцированные элементы (и они «несут известные словесные функции») ²⁶, так и бывшие в потенциальном состоянии, не различимые вербально, внесловесные формы. Одной из потенциальных реальностей, высвобождаемой «из-под схематического и неподвижного слова» [Тынянов, 1924, с. 110], является преобладающее значение интонации над всеми его уровнями: «Каждое *новое* явление в поэзии сказывается прежде всего *новизной интонации*. <...> Когда интонации стареют и перестают замечаться, слабее замечаются и самые стихи» [Тынянов, 1977в, с. 179]. Ценность *слова* представляется Тынянову проблематичной. Его статья «Словарь Ленина-полемиста» (продолжение «Проблемы»), маскируя претензии «слова» на всеохватность, акцентирует те особые случаи, при которых происходит «вышелушивание» значения *отдельного* слова. Такое слово теряет свой основной признак, приближая состояние, когда миром правят лишь «слова, слова, слова». Слово «совершенно отвыкается от конкретности, но в нем остается клубок ассоциаций, очень эмоциональный, хотя и спутанный, чем больше захватано такое слово, тем больше в нем эмоциональных оттенков, – помимо конкретного значения. Так рождается речь, построенная на “фразе”: “слова, слова, слова”» [Тынянов, 1924, с. 92] ²⁷. Статья, посвященная «словарю Ленина-оратора и политического писателя» [Там же, с. 82], далеко выходила за рамки предложенной темы. Тынянов писал о «революции» ленинских речевых конструкций, предполагая уже свер-

²⁶ Об использовании графики как «элементе выражения в словесном искусстве» см., например, в статье «Иллюстрации» (1923): «Поэзия оперирует не только и не собственно *словом*, но *выражением*. В понятие выражения входят все *эквиваленты* слова: такими эквивалентами слова могут быть пропуски текста (вспомним громадную роль пропусков строф в “Евгении Онегине”), может быть и графика. Таким эквивалентом слова будет бутылка у Рабле, рисунок ломаной линии у Стерна, название главы в “Бароне Мюнхгаузене” Иммермана. Роль их – особая, но исключительно в плане слова; они эквиваленты слова в том смысле, что, окруженные словесными массами, они сами несут известные словесные функции (являясь как бы графическими “словами”» [Тынянов, 1977е, с. 316].

²⁷ Ср. из письма Эйхенбаума Шкловскому от 5 августа 1957 г.: «Витенька! Письмо твое (“фестивальное”) получил, но не все понял – отчасти из-за почерка (опять стал хуже), отчасти по существу, – например, по поводу сборника статей о субъективном идеализме. Почему он так сильно взволновал тебя? Я его не видел и не читал, но ведь, наверно, там больше слов, чем мыслей? “Слова, слова, слова...” Ты прав – все дело в том, чтобы уметь преодолеть этот дивный дар богов. Как был прав Тютчев, когда сказал: “Мысль **изреченная** есть ложь!” Надо только правильно понять эти слова (тоже “слова”!), т. е. поставить главное смысловое ударение на слове “изреченная”...» [Эйхенбаум, 1987б, с. 163].

шившийся слом языка, связанный с идеей упрощения формы как эстетической доминанты времени. «Ленинская» статья может считаться неким рубежом, за которым интерес к структурам, где засилье «слова» сведено к нулю, возрастает несравненно.

Со второй половины 1920-х гг. Тынянов охотно начинает работать в кино²⁸, в котором не осталось ровно ничего прямо относящегося к ближайшим видам искусства. «Кино медленно освобождалось от плена соседних искусств – от живописи, театра. Теперь оно должно освободиться от литературы» [Тынянов, 1977г, с. 323]. Кроме того, по отношению к слову здесь необходима хоть какая-то запретительная функция. «Если кино наполнить словами, – получится хаос слов, и только» [Там же, с. 328]. Рассказывая о приеме «короткого наплыва» («прием “короткого наплыва” – когда в кадре “воспоминания” еще сквозит лицо вспоминающего – уничтожает уже внешнюю литературную мотивировку “воспоминания” как чередующегося во времени момента и переносит центр тяжести на *одно-временность, simultанность* кадров» [Тынянов, 1977д, с. 334], Тынянов замечает: «С удивлением мы констатируем, что адекватного слова в языке и литературе по отношению к наплыву – нет. Мы можем в каждом данном случае, в каждом данном применении – *описать* его словами, но подыскать ему адекватное слово или понятие в языке нельзя» [Там же]. Кино представляется таким видом искусства, где могут быть усилены какие-то дословесные интуиции и где «побежденное» слово вновь уступает место ритму, звуку или композиции.

Известная фраза Корнея Чуковского «В России надо жить долго» применительно к Тынянову имеет особое дополнительное значение. В лице Тынянова в XX в. появился новый тип ученого, сам факт существования которого способен изменить мир к лучшему. (Ср. в связи с Тыняновым запись в дневнике Чуковского от 21 февраля 1925 г.: «Он сам очарователен: поднимает умственно нравственную атмосферу всюду, где появляется» [Чуковский, 1991, с. 326]). Тынянов положил начало эстетическому противлению, не подверженному воздействию внешних по отношению к нему явлений. Все события имеют смысл в рамках преимущественного положения искусства.

В одном из последних писем Тынянова С. Б. Рудакову (1941) есть удивительные строки: «Дорогой Сергей Борисович! <...> Вспомнил, как работали над Кюхлей. Он – доказательство теперь того, что смерть (в том числе литературная) сильно преувеличена. Он начал жить. Давайте думать, что это не исключение <...> а правило. <...> Уверен в Вас! кто раз был в перделке и цел – тот будет цел» (цит. по: [Письмо Ю. Н. Тынянова..., 1998, с. 252]).

---

²⁸ Подборку статей о кино см. в книге: Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977.

Список литературы

Винокур Г. О. Несколько слов памяти Ю. Н. Тынянова // Воспоминания о Ю. Тынянове. Портреты и встречи. М.: Сов. писатель, 1983.

Галушкин А. Ю. Неудавшийся диалог (из истории взаимоотношений формальной школы и власти) // Шестые Тыняновские чтения. Тезисы докладов и материалы для обсуждения / Редкол.: М. О. Чудакова (отв. ред.), В. А. Марков, Е. А. Тоддес, Ю. Г. Цивьян. Рига; Москва, 1992.

Галушкин А. Ю. [Разговоры с Виктором Шкловским] / Публ. подгот. М. А. Фролов // Новое литературное обозрение. 2015. № 1 (131).

Гинзбург Л. Я. «И заодно с правопорядком...» // Тыняновский сборник. Третьи Тыняновские чтения. Рига: Зинатне, 1988.

Гинзбург Л. Я. Вспоминая Институт истории искусств... // Российский институт истории искусств в мемуарах / Под ред. И. В. Сэпман. СПб., 2003.

Гинзбург Л. Я. Записные книжки. Воспоминания. Эссе / Вступ. ст. А. С. Кушнера. СПб.: Искусство-СПб., 2011.

Громова Н. А. Узел. Поэты: дружбы и разрывы. Из литературного быта конца 20-х – 30-х годов. М.: Эллис Лак, 2006.

Зенкин С. Н. Открытие «быта» русскими формалистами // Зенкин С. Н. Работы о теории. Статьи. М.: НЛЮ, 2012. С. 305–325.

Зильбер Л. А. Студенты (из воспоминаний) / Публ. Л. Л. Киселева // Природа. 1984. № 3.

Зорин А. Лидия Гинзбург: опыт «примирения с действительностью» // Новое литературное обозрение. 2010. № 101. С. 67–84.

Каверин В. Личность и характер // Каверин В. Письменный стол. Воспоминания и размышления. М.: Сов. писатель, 1985.

Кертис Дж. Борис Эйхенбаум: его семья, страна и русская литература. СПб.: Академический проект, 2004.

Козинцев Г. «Черное, лихое время...». Из рабочих тетрадей. М.: Изд-во «Артист. Режиссер. Театр», 1994.

Кумпан К. А. Институт истории искусств на рубеже 1920-х – 1930-х гг. // Конец институций культуры двадцатых годов в Ленинграде. По архивным материалам. М.: НЛЮ, 2014. С. 8–129.

Левченко Ян. Как поссорился Борис Михайлович с Виктором Максимовичем // Russian Literature. 2012a. Vol. 72, № 3–4. С. 503–523.

Левченко Ян. Другая наука. Русские формалисты в поисках биографии. М.: НИУ ВШЭ, 2012б.

Левченко Ян. Удел переписчика. Виктор Шкловский: советский писатель // Кризисы культуры и авторы на границе эпох в литературе и философии / Под ред. С. Гончарова, Н. Григорьевой, Шаммы Шахадат. СПб., 2013.

Лотман Ю. М. Из истории изучения стиля Ленина // Труды по русской и славянской филологии: XV: Литературоведение / Отв. ред. Б. Ф. Егоров. Тарту, 1970. (Учен. зап. Тартуского гос. ун-та; вып. 251)

Материалы диспута «Марксизм и формальный метод» 6 марта 1927 г. / Публ., подгот. текста, сопровод. заметки и примеч. Д. Устинова // Новое литературное обозрение. 2001. № 50. С. 247–279.

Неизвестный В. Я. Проп. Древо жизни. Дневник старости. Переписка / Предисл., сост. А. Н. Мартыновой; подгот. текста, коммент. А. Н. Мартыновой, Н. А. Прозоровой. СПб.: Алетейя, 2002.

Об Александре Блоке. Пг.: Картонный домик, 1921.

Переписка Б. М. Эйхенбаума и В. М. Жирмунского / Публ. Н. А. Жирмунской, О. В. Эйхенбаум; вступ. ст. Е. А. Тоддеса; примеч. Н. А. Жирмунской, Е. А. Тоддеса // Тыняновский сборник. Третьи Тыняновские чтения. Рига: Зинатне, 1988.

Письмо Ю. Н. Тынянова С. Б. Рудакову (1941) // *Philologica*. 1998. Т. 5, № 11–13.

Сальман М. Г. Из студенческих лет Б. М. Эйхенбаума, Ю. Н. Тынянова и В. Б. Шкловского (по материалам Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга) // *Russian Literature*. 2014. Т. 76, № 4. С. 447–465.

Степанов Н. Замыслы и планы // Воспоминания о Ю. Тынянове. Портреты и встречи. М.: Сов. писатель, 1983.

Сухих И. Н., Шубин Ф. В. «Так началась моя работа...» (Юрий Тынянов в Петербургском-Петроградском университете) // Очерки по истории Ленинградского университета. Л.: Изд-во ЛГУ, 1989. Вып. 6. С. 45–54.

Тоддес Е. А. К текстологии и биографии Тынянова // Седьмые Тыняновские чтения. Материалы для обсуждения / Редкол.: М. О. Чудакова (отв. ред.), Е. А. Тоддес, Ю. Г. Цивьян. Рига; Москва, 1995–1996.

Тоддес Е. А. Б. М. Эйхенбаум в 30–50-е годы (к истории советского литературоведения и советской гуманитарной интеллигенции) // Тыняновский сборник. М.: ОГИ, 2002. Вып. 11: Девятые Тыняновские чтения. Исследования, материалы. С. 563–691.

Троцкий Л. Д. Литература и революция. М.: Политиздат, 1991.

Тынянов Ю. Н. Блок и Гейне // Об Александре Блоке. Пг.: Картонный домик, 1921.

Тынянов Ю. Словарь Ленина-полемиста // *Леф*. 1924. № 1.

Тынянов Ю. Предисловие // Фельетон. Сборник статей / Под ред. Ю. Тынянова, Б. Казанского. Л.: Academia, 1927.

Тынянов Ю. О Хлебникове // Собрание произведений Велимира Хлебникова / Под общ. ред. Ю. Тынянова, Н. Степанова; предисл. Ю. Тынянова; вступ. ст. и примеч. Н. Степанова. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1928. Т. 1: Поэмы.

- Тынянов Ю. Проблема стихотворного языка. Статьи. М.: Сов. писатель, 1965.
- Тынянов Ю. Н. О литературной эволюции // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977а.
- Тынянов Ю. Н. Тютчев и Гейне // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977б.
- Тынянов Ю. Промежуток // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977в.
- Тынянов Ю. Н. О сценарии // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977г.
- Тынянов Ю. Н. Об основах кино // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977д.
- Тынянов Ю. Н. Иллюстрации // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977е.
- Чудаков А. П., Чудакова М. О., Тоддес Е. А. Комментарии // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977.
- Чудакова М., Тоддес Е. Наследие и путь Б. Эйхенбаума // Эйхенбаум Б. М. О литературе. М.: Сов. писатель, 1987.
- Чудакова М. Социальная практика, филологическая рефлексия и литература в научной биографии Эйхенбаума и Тынянова // Тыняновский сборник. Вторые Тыняновские чтения. Рига: Зинатне, 1986.
- Чуковский К. Дневник (1901–1929). М.: Сов. писатель, 1991.
- Шкловский В. Под разделительным знаком. Канонизаторы // Новый ЛЕФ. 1928. № 11.
- Шкловский В. О квартире «Лефа» // Шкловский В. Жили-были. Воспоминания. Мемуарные записи. М.: Сов. писатель, 1966.
- Шмидт П. Ф. Воспоминания об отце // Российский институт истории искусств в мемуарах / Под ред. И. В. Сэпман. СПб., 2003. С. 191–214.
- Эйхенбаум Б. М. Литературный быт // Эйхенбаум Б. М. Мой современник. Словесность. Наука. Критика. Смесь. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1929а.
- Эйхенбаум Б. М. По мостам и проспектам (из автобиографии) // Эйхенбаум Б. М. Мой современник. Словесность. Наука. Критика. Смесь. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1929б. С. 9–46.
- Эйхенбаум Б. М. Творчество Ю. Тынянова // Воспоминания о Ю. Тынянове. Портреты и встречи. М.: Сов. писатель, 1983.
- Эйхенбаум Б. М. О литературе: Работы разных лет. М.: Сов. писатель, 1987а.
- Эйхенбаум Б. Из писем к В. Б. Шкловскому / Публ. О. Б. Эйхенбаум, вступ. заметка и коммент. М. О. Чудаковой // Нева. 1987б. № 5.
- Эйхенбаум Б. М. Дневник. 1924 г. / Публ. и примеч. А. С. Крюкова // Филологические записки. Воронеж, 1998. Вып. 10.

Эткинд Е. «Веселый пример Гейне»: Гейне – Тынянов – Маяковский // Revue des Etudes Slaves. Paris, 1983. Vol. 55.

Article metadata

Title: Poetics and policy under the conditions of Soviet project (to the political position of the Russian formalists)

Author: E. P. Berezhnaya

Author's e-mail: bereg.63@mail.ru

Author affiliation: State Public Scientific and Technical Library, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

Abstract. The dramatic conflict between artist and power, which has become in the Russian cultural tradition an orienting factor in the understanding of what art is itself and what its real problems are in the years of the Soviet state formation takes the value of «absolute power» that can affect both – the change of rhetorical rules, and the chosen forms of behavior in the socio-cultural environment. Exactly at that time the problem of «biography» and the principles of its inclusion into a totally ideological context of the era, appear to be an experimental field for the theories and practices of formalist origin. Viktor Shklovsky and Boris Eihenbaum, preferring «biography» to science, were involved in the historical distruction, in which the exit «from one's own preserved word» demanded a victim of incomparably larger scale. Tynianov outlook at the literary process excluded the transition to «foreign» lands, be it policy, «biography» or any another exorbitant literature phenomena. These and other categories could be available, being seen «through literature». Particular attention was given to Lenin's issue of the journal «LEF», published immediately after the death of the Revolution leader, and in particular in the Tynianov's article «The Vocabulary of Lenin the Polemicist». Tynyanov wrote about the «revolution» of Lenin's speech structures, suggesting the already accomplished language destruction, associated with the idea of simplifying the form as the aesthetic time dominant. Tynianov's not being inclined to any ideology was an obvious means of aesthetic manipulation, allowing to eliminate the available existence as indispensable fact of social and ideological resistance.

Key terms: V. Shklovsky, B. Eihenbaum, Yu. Tynyanov, policy, «biography», Lenin's issue of «LEF» journal, Tynianov's article «The Vocabulary of Lenin the Polemicist».

Reference literature (in translation):

Chudakov A. P., Chudakova M. O., Toddes E. A. Kommentarii [Commentaries]. *Tynyanov Yu. N. Poetika. Istoriya literatury i kino* [Tynyanov Yu. N. Poetics, History of literature and cinema]. Moscow, Nauka, 1977.

Chudakova M. Sotsialnaya praktika, filologicheskaya refleksiya i literatura v nauchnoy biografii Eyhenbauma i Tyinyanova [Social practice, philological pondering and literature in scientific biography of Eyhenbaum and Tyinyanov].

Tyinyanovskiy sbornik. Vtoryie Tyinyanovskie chteniya [Tyinyanovskiy Selected works. The second Tyinyanov conference]. Riga, Zinatne, 1986.

Chudakova M., Toddes E. Nasledie i put B. Eyhenbauma [Inheritance and the lifeway of Eihenbaum]. *Eyhenbaum B. M. O literature* [About literature]. Moscow, Sov. pisatel, 1987.

Chukovskiy K. *Dnevnik (1901–1929)* [Diary (1901–1929)]. Moscow, Sov. pisatel, 1991.

Etkind E. «Veselyiy primer Geyne»: Geyne – Tyinyanov – Mayakovskiy [Funny example of Geyne»: Geyne – Tyinyanov – Mayakovskiy]. *Revue des Etudes Slaves*. Paris, 1983, vol. 55.

Eyhenbaum B. Iz pisem k V. B. Shklovskomu [From letters to V. B. Shklovskiy]. O. B. Eyhenbaum (publ.), M. O. Chudakova (comment.). *Neva*, 1987a, no. 5.

Eyhenbaum B. M. *Dnevnik. 1924 g.* [Diary 1924]. A. S. Kryukova (publ.). *Filologicheskie zapiski* [Philological notes]. Voronezh, 1998, iss. 10.

Eyhenbaum B. M. Literaturnyy byit [Literary world]. *Eyhenbaum B. M. Moy vremennik. Slovesnost. Nauka. Kritika. Smes* [My timetable. Literature. Science. Critique. Mixture]. Leningrad, Izd-vo pisateley v Leningrade, 1929a.

Eyhenbaum B. M. *O literature: Raboty raznyih let* [About literature: works of different years]. Moscow, Sov. pisatel, 1987b.

Eyhenbaum B. M. Po mostam i prospektam (Iz avtobiografii) [Around bridges and prospects (from autobiography)]. *Eyhenbaum B. M. Moy vremennik. Slovesnost. Nauka. Kritika. Smes* [My timetable. Literature. Science. Critique. Mixture]. Leningrad, Izd-vo pisateley v Leningrade, 1929b.

Eyhenbaum B. M. Tvorchestvo Yu. Tyinyanova [Works by Yu. Tyinyanov]. *Vospominaniya o Yu. Tyinyanove. Portrety i vstrechi* [Recollections about Yu. Tyinyanov. Portraits and meetings]. Moscow, Sov. pisatel, 1983.

Galushkin A. Yu. Neudavshiysya dialog (Iz istorii vzaimootnosheniy formalnoy shkoly i vlasti) [Failed dialogue (from the history of relations of formal school and authorities)]. *Shestyie Tyinyanovskie chteniya. Tezisy докладов i materialy dlya obsuzhdeniya* [Sixth Tyinyanov conference. Thesis of reports and materials for discussion]. M. O. Chudakova, V. A. Markov, E. A. Toddes, Yu. G. Tsivyan (eds.). Riga, Moskva, 1992.

Galushkin A. Yu. Razgovory s Viktorom Shklovskim [Talks to Victor Shklovskiy]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Survey], 2015, no. 1 (131).

Ginzburg L. Ya. «I zaodno s pravoporyadkom...» [«And for the same with law and order»]. *Tyinyanovskiy sbornik. Treti Tyinyanovskie chteniya* [Tyinyanov selected works. The third Tyinyanov conference]. Riga, Zinatne, 1988.

Ginzburg L. Ya. Vspominaya Institut istorii iskusstv... [Recollections. Institute of history of Arts]. *Rossiyskiy institut istorii iskusstv v memuarah* [Russian Institute of History of Arts in Memoirs]. I. V. Sepman (ed.). St. Petersburg, 2003.

Ginzburg L. Ya. *Zapisnyie knizhki. Vospominaniya. Esse* [Notes. Recollections. Essay]. St. Petersburg, Iskusstvo-SPb., 2011.

Gromova N. A. *Uzel. Poetyi: druzhbyi i razryivyi. Iz literaturnogo byita kontsa 20-h – 30-h godov* [Knot. Poets: friendship and breakups. From the literary atmosphere of 30s]. Moscow, Ellis Lak, 2006.

Kaverin V. Lichnost i harakter [Persons and character]. *Kaverin V. Pismennyiy stol. Vospominaniya i razmyishleniya* [Kaverin V. Study room table. Recollections and thoughts]. Moscow, Sov. pisatel, 1985.

Kertis Dzh. *Boris Eyhenbaum: ego semya, strana i russkaya literature* [Boris Eihenbaum. Ego family, country and Russian literature]. St. Petersburg, Akademicheskii proekt, 2004.

Kozintsev G. «Chernoie, lihoe vremya...». *Iz rabochih tetradey* [Black tough time... From notes]. Moscow, Izd-vo «Artist. Rezhisser. Teatr», 1994.

Kumpan K. A. Institut istorii iskusstv na rubezhe 1920-h–1930-h gg. [Institute of history of Arts in the period of 1920–1930 years]. *Konets institutsiy kulturyi dvadtsatyih godov v Leningrade. Po arhivnyim materialam* [The end of institute's culture of 20s in Leningrad. On the materials of archives]. Moscow, NLO, 2014.

Levchenko Yan. *Drugaya nauka. Russkie formalisty v poiskah biografii* [The other science. Russian formalists in search of biography]. Moscow, NIU VShE, 2012a.

Levchenko Yan. Kak possorilsya Boris Mihaylovich s Viktorom Maksimovichem [How quarreled Boris Mikhailovich and Viktor Maksimovich]. *Russian literature* [Russian Literature], 2012b, vol. 72, no. 3–4.

Levchenko Yan. Udel perepischika. Viktor Shklovskiy: sovetskiy pisatel [The fate of rewriter. Viktor Shklovskiy: Soviet writer]. *Krizisyi kulturyi i avtoryi na granitse epoh v literature i filosofii* [Crises of culture and authors on the threshold of epochs in literature and philosophy]. S. Goncharov, N. Gri-goreva, Shamyi Shahadat (eds.). St. Petersburg, 2013.

Lotman Yu. M. Iz istorii izucheniya stilya Lenina [From the history of studies of Lenin style]. *Trudy po russkoy i slavyanskoy filologii: XV: Literaturovedenie* [Works on Russian and Slavonic philology: XV: Literary studies]. B. F. Egorov (ed.). Tartu, 1970. (Uchenyie zapiski Tartuskogo gos. un-ta; vyp. 251).

Materialyi disputa «Marksizm i formalnyi metod» 6 marta 1927 g. [Materials of dispute «Marxism and formal method» 6 march 1927]. D. Ustinova (publ.). *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Survey], 2001, no. 50.

Neizvestnyiy V. Ya. *Propp. Drevo zhizni. Dnevnik starosti. Perepiska* [Unknown V. Ya. Propp. A tree of life. Diary of old years. Correspondence]. A. N. Martynova (comp.), A. N. Martynova, N. A. Prozorova (publ.). St. Petersburg, Aletyya, 2002.

Ob Aleksandre Bloke [About Alexander Block]. St. Petersburg, Kartonnyiy domik, 1921.

Perepiska B. M. Eyhenbauma i V. M. Zhirmunskogo [Correspondence between B. M. Eyhenbaum and V. M. Zhirmunskiy]. N. A. Zhirmunskiy, O. V. Eihenbaum (publ.). *Tyinyanovskiy sbornik. Treti Tyinyanovskie chteniya* [Tyinyanov selected works. The third Tyinyanov conference]. Riga, Zinatne, 1988.

Pismo Yu. N. Tyinyanova S. B. Rudakovu (1941) [A letter of Yu. N. Tyinyanov to S. B. Rudakov (1941)]. *Philologica*, 1998, vol. 5, no. 11–13.

Salman M. G. Iz studencheskih let B. M. Eyhenbauma, Yu. N. Tyinyanova i V. B. Shklovskogo (Po materialam Tsentralnogo gosudarstvennogo istoricheskogo arhiva Sankt-Peterburga) [From students years of B. M. Eyhenbaum, Yu. N. Tyinyanov and V. B. Shklovskiy (Central state archive of St Petersburg)]. *Russian Literature*, 2014, vol. 76, no. 4.

Shklovskiy V. O kvartire «Lefa» [About flat «Lef»]. *Shklovskiy V. Zhilybiyli. Vospominaniya. Memuarnyye zapisi* [Shklovskiy V. Once upon a time. Recollections. Memoirs]. Moscow, Sov. pisatel, 1966.

Shklovskiy V. Pod razdelitelnyim znakom. Kanonizatoryi [Comma]. *Novyyi LEF* [New LEF], 1928, no. 11.

Shmidt P. F. Vospominaniya ob ottse [Recollections about father]. *Rossiyskiy institut istorii iskusstv v memuarah* [Russian institute of history of Arts in memoirs]. I. V. Sepman (ed.). St. Petersburg, 2003.

Stepanov N. Zamyislyi i planyi [Thoughts and plans]. *Vospominaniya o Yu. Tyinyanove. Portrety i vstrechi* [Recollections about Yu. Tyinyanov. Portraits and meetings]. Moscow, Sov. pisatel, 1983.

Suhii I. N., Shubin F. V. «Tak nachalas moya rabota...» (Yuriy Tyinyanov v Peterburgskom-Petrogradskom universitete) [So my work started... (Yuriy Tyinyanov in Peterburg-Petrograd university)]. *Ocherki po istorii Leningradskogo universiteta* [Essays about history of Leningrad university]. Leningrad: Izd-vo Leningradskogo un-ta, 1989, iss. 4.

Toddes E. A. B. M. Eyhenbaum v 30–50-e godyi (K istorii sovetskogo literaturovedeniya i sovetskoy gumanitarnoy intelligentsii) [Eihenbaum in 30s and 50s to the history of the soviet literary studies and intelligentsiya]. *Tyinyanovskiy sbornik. Devyatyie Tyinyanovskie chteniya. Issledovaniya, materialyi* [Tyinyanov selected works. The 9th Tyinyanov conference. Research and materials]. Moscow, OGI, 2002, iss. 11.

Toddes E. A. K tekstologii i biografii Tyinyanova [To the textology and biography of Tyinyanov]. *Sedmyie Tyinyanovskie chteniya. Materialyi dlya ob-suzhdeniya* [The 7th Tyinyanov conference. Materials for discussion]. M. O. Chudakova, E. A. Toddes, Yu. G. Tsivyan (eds.). Riga, Moscow, 1995–1996.

Trotsky L. D. *Literatura i revolyutsiya* [Literature and revolution]. Moscow, Politizdat, 1991.

Tyinyanov Yu. N. Blok i Geyne [Blok and Geyne]. *Ob Aleksandre Bloke* [About Alexander Blok]. St. Petersburg, Kartonnyiy domik, 1921.

Tyinyanov Yu. N. Illyustratsii [Illustrations]. *Tyinyanov Yu. N. Poetika. Istoriya literatury. Kino* [Tyinyanov Yu. N. Poetics, History of literature and cinema]. Moscow, Nauka, 1977a.

Tyinyanov Yu. N. O literaturnoy evolyutsii [About literary evolution]. *Tyinyanov Yu. N. Poetika. Istoriya literatury i kino* [Tyinyanov Yu. N. Poetics, History of literature and cinema]. Moscow, Nauka, 1977b.

Tyinyanov Yu. N. O stsenarii [About screenplay]. *Tyinyanov Yu. N. Poetika. Istoriya literatury i kino* [Tyinyanov Yu. N. Poetics, History of literature and cinema]. Moscow, Nauka, 1977v.

Tyinyanov Yu. N. Ob osnovah kino [About basics of cinema]. Tyinyanov Yu. N. *Poetika. Istoriya literatury i kino* [Tyinyanov Yu. N. Poetics, History of literature and cinema]. Moscow, Nauka, 1977g.

Tyinyanov Yu. N. Tyutchev i Geyne [Tyutchev i Geyne]. *Tyinyanov Yu. N. Poetika. Istoriya literatury i kino* [Tyinyanov Yu. N. Poetics, History of literature and cinema]. Moscow, Nauka, 1977e.

Tyinyanov Yu. O Hlebnikove [About Khlebnikov]. *Sobranie proizvedeniy Velimira Hlebnikova. T. 1. Poemyi* [Selected works by Velimir Khlebnikov. Vol. 1. Poems]. Yu. Tyinyanov, N. Stepanov (eds.). Leningrad, Izd-vo pisateley v Leningrade, 1928.

Tyinyanov Yu. Predislovie [Foreword]. *Feleton. Sbornik statey* [Selected articles]. Yu. Tyinyanov, B. Kazanskiy. Leningrad: Academia, 1927.

Tyinyanov Yu. *Problema stihotvornogo yazyika. Stati* [The problem of the verse language. Articles]. Moscow, Sov. pisatel, 1965.

Tyinyanov Yu. Promezhutok [Gap]. *Tyinyanov Yu. N. Poetika. Istoriya literatury i kino* [Tyinyanov Yu. N. Poetics, History of literature and cinema]. Moscow, Nauka, 1977d.

Tyinyanov Yu. Slovar Lenina-polemista [A dictionary of Lenin]. *Lef*, 1924, no. 1.

Vinokur G. O. Neskolko slov pamyati Yu. N. Tyinyanova [Some words in remembrance of Yu. N. Tyinyanov]. *Vospominaniya o Yu. Tyinyanove. Portrety i vstrechi* [Reminiscences of Yu. Tyinyanov. Portraits and meetings]. Moscow, Sov. pisatel, 1983.

Zenkin S. N. Otkrytie «byita» russkimi formalistami [Opening of surrounding by Russian formalists]. *Zenkin S. N. Raboty o teorii. Stati* [Zenkin S. N. Works about theory. Articles]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2012.

Zilber L. A. Studentyi (Iz vospominaniy) [Students (from memoirs)]. L. L. Kiselev (publ.). *Priroda*, 1984, no. 3.

Zorin A. Lidiya Ginzburg: opyt «primireniya s deystvitelnostyu» [Lidiya Ginzburg: experience of reconciliation with reality]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Survey], 2010, no. 101.